

**В СЕРИИ «МИР ЛОЗЫ И КАМНЯ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

НЕВЕСТА
МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.
ИСКРЫ ГАСНУЩИХ ЖИЛ
МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.
ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ
ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ДОМА
КОРОЛЕВСКИЕ КАМНИ
ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

Карина Демина

**МЕХАНИЧЕСКОЕ
СЕРДЦЕ
ИСКРЫ
ГАСНУЩИХ
ЖИЛ**

ЧАСТЬ 2

RUGRAM

УДК 82-312.9

ББК 84.4

Д 30

Демина К.

Д30

Механическое сердце. Искры гаснувших жил.
Часть 2 / К. Демина, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 346 с. — (Мир лозы и камня).

Что общего у королевского следователя, мастера-оружейника, благородной леди и крайне невезучей террористки? У каждого своя жизнь и свой путь, но однажды эти пути пересекутся на грязных улицах Нижнего города, сплетаясь в один узор. В нем оживает прошлое, которое недавно казалось похороненным. И тот, кто вчера был обузой, сегодня превращается в единственную надежду на спасение. Само будущее, предопределенное, не обещавшее ничего, кроме одиночества, вдруг даст шанс на счастье. Вот только хватит ли смелости воспользоваться этим шансом?

BIC FM

BISAC FIC009000

© Карина Демина, текст, 2022

© RUGRAM, оформление, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-90748-9

ГЛАВА 21

Рассказать?

С ним неожиданно просто разговаривать. Или дело в том, что Кэри слишком долго молчала? Быть может и так. А ее муж оказался совсем не таким, каким она себе его нарисовала.

Хмурым?

Пожалуй. Он сам не замечал, что хмурится всегда, даже когда улыбается, то улыбка выходит натужной, нарисованной. А вертикальные складки на лбу не разглаживаются, Кэри очень хочется стереть их и тонкие морщинки, что разбегаются от уголков глаз. А ямочку на подбородке просто потрогать. Смешная она, отпечатком чьего-то тонкого пальца.

Задумчивым?

Он порой запинаятся в разговоре и замолкает, сам того не замечая. Пальцы железной руки сжимаются и разжимаются, а после замирают безжизненно. Но они живые, Кэри чувствовала тепло их прикосновения...

Раздражительным?

Ничуть. Он внимателен. И в чем-то даже нежен, совсем как Сверр, когда у него случалось на-

строение на нежность. Только Брокку настроение не нужно.

У него забавная привычка трогать кончик носа.

Светлые волосы слегка выются, а кожа смугла, родинки на ней выглядят нарисованными. И Кэри вновь сдерживает желание прикоснуться к ним, проверить, настоящие ли... И позволяя себе ненадолго забыть о родинках, она опускает взгляд на руки. Замерзли, и под ногтями опять грязь собралась. Не надо было воду трогать, но...

...в усадьбе, куда Кэри выезжала летом, не было фонтана, зато имелся пруд, глубокий и с топкими берегами, на которых прорастала осока. Каждый год садовник засеивал берега газонной травой, но прорастала все равно осока. Когда-то в пруду разводили зеркальных карпов, и несколько рыбин, древних, с крупной чешуей, осталось. Порой они подплывали к берегу, и тогда Кэри пятилась.

А Сверр рыбин не боялся.

...рассказать о нем?

Почему бы и нет. Быть может, если Кэри поделится памятью, то ей станет легче?

— Мне было пять, когда отец забрал меня из деревни, — кажется, об этом она уже упоминала. — У нас с ним небольшая разница, два года всего, но...

...тогда Сверр казался ей недостижимо взрослым. И упоительно отважным.

В тот вечер Кэри снова пряталась.

Она сидела в кровати, под одеялом и не спускала взгляда с гардеробного шкафа, дверь кото-

рого была приоткрыта. И из щели на Кэри смотрел... кто?

Она не знала.

Он жил в шкафу все время, но показывался только по ночам. Кэри рассказала о нем няньке, а та отмахнулась, велев не придумывать себе глупостей. Нянька спешила на кухню, где давно был готов ужин, а к нему старая повариха, которая сошлась с нянькой, почуяв в ней родственную душу, припасла бутылку сливовой наливки. Нянька предвкушала неспешный ужин и беседу, благо, в доме всегда хватало поводов для сплетен. А Кэри все не желала укладываться.

— Спи, а то леди Эдганг пожалуюсь, — рявкнула нянька и, задув свечу, ушла.

Тотчас с тихим скрипом приотворилась дверь шкафа, и Кэри ощутила на себе пристальный внимательный взгляд.

— Уйди, — попросила она, но тот, кто наблюдал за ней, уходить не собирался. Напротив, она вдруг услышала дыхание, близкое, частое.

...если закричать, то кто-нибудь услышит.

Прибежит.

Спасет Кэри.

Но как она ни пыталась, не сумела издать ни звука. Сколько она просидела в темноте? Долго, как показалось ей самой. И ответом на молчаливый призыв, открылась дверь в комнату.

— Ты спишь? — спросили ее шепотом.

— Нет, — также шепотом ответила Кэри.

— А что делаешь?

— Боюсь.

Она щурилась, пытаясь разглядеть того, кто вошел в комнату, но видела лишь белое пятно ночной рубашки.

— Кого боишься? — деловито осведомился он и прикрыл за собой дверь.

— Того, кто живет в шкафу...

— Сколько тебе?

— Пять.

Сейчас он скажет, что Кэри уже взрослая и все придумала...

— В пять еще можно бояться шкафа, — он шел к ней и, добравшись до кровати, велел. — Подвинься. Когда вдвоем, оно не так страшно.

— А ты кто?

Кэри подвинулась, подумав, что нянька точно разозлится, когда обнаружит этого мальчишку. Он же, забравшись в постель, нашел ее руку и сжал.

— Твой брат. Меня Сверром звать.

— Кэри, — его пальцы держали крепко, и Кэри, наконец, смогла дышать.

Кто бы ни таился в темноте, теперь он до Кэри не доберется.

— Я знаю, — ответил Сверр, сдавливая ее руку. — Ты выродок. Так мама сказала.

Он обнял ее и поправил одеяло, которое почти съехало на пол. Сверр был худым и очень горячим.

— Твоя мать была шлюхой, и мне нельзя с тобой разговаривать.

Кэри всхлипнула.

Она не поняла многих слов, но звучали те обидно.

— Ты еще боишься? — Сверр вдруг обнял ее и носом в волосы зарылся. — Не бойся. Я никому не позволю тебя обидеть. Я всегда хотел, чтобы мне сестру родили.

Он остался на ночь, и нянечка, заглянувшая в комнату Кэри утром, лишь головой покачала, пробормотав что-то неразборчивое, но наверняка неодобрительное...

— Сверр был хорошим...

Лестница для двоих. Старые ступени и козырек, защищающий от колючего снега. Брокк вновь поглаживает нос, кончик которого побелел от холода. И волосы его растрепались. А на темной ткани пальто виднеются темные же пятна, не то еще от дождя, не то уже от снега. И Кэри осторожно касается шершавого рукава.

— Замерзла?

— Немного, — не настолько, чтобы уходить, пусть бы и дверь была совсем рядом. Темный дуб. Тяжелая бронза вычурной ручки. Пatina налетом времени. И непривычное ощущение надежности, словно за этой дверью и вправду дом Кэри.

— Тогда, пожалуй, стоит завершить прогулку.

Брокк толкнул дверь, которая отворилась совершенно беззвучно.

Высокий порог и сумрак холла. В первое мгновение темнота кажется непроглядной, но она отступает, оставляя лужи теней на паркете.

— Неуютно? — Брокк держался рядом. Кэри не нужно было оборачиваться, чтобы ощутить его присутствие.

— Нет... просто... вы не думали, что дома похожи на своих хозяев?

— Продолжайте, — попросил Брокк. — Как вам мой дом?

— Замкнутый.

Заперты шторы: дом боится впускать солнечный свет. Он защищается от мира тонкой тканью гардин, и мутными старыми стеклами, бережет себя от сквозняков, но те все равно проскальзывают, выются по елочке паркета, тревожат пламя в очагах. А оно, запертое, отгороженное коваными решетками, мечется, норовя вырваться из плена. И если это произойдет, дом вспыхнет...

— Замкнутый, — Брокк стянул перчатки, обе, но опомнившись, вновь спрятал руку.

Стыдится ее?

Пожалуй.

— Скорее дом просто-напросто старый...

— И тот, в котором я жила раньше, был немолод. По-моему, все родовые дома стары.

...и в чем-то похожи друг на друга, но в то же время и различны.

— И каким он был?

Брокк сам снял с Кэри шапочку и ее муфту, мягкую, но совершенно не греющую. Только здесь, в доме, Кэри поняла, насколько продрогла. И выглядит наверняка отвратительно...

...а его любовница, должно быть, красива.